Оррин

Сказка о кануне

Оррин

Сказка о кануне

«Автор»

2022

Оррин

Сказка о кануне / Оррин — «Автор», 2022

В канун Нового года жители огромной елки готовятся к встрече праздника. Подготовку к торжеству нарушают загадочные исчезновения жителей. Возлюбленная Тигра-барабанщика пропадает у него на глазах. Спеша на выручку, музыкант отправляется в зловещий Северный лес навстречу суровому холоду, схваткам и пробудившимся тайнам прошлого.

© Оррин, 2022
© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. Запоздалая почта 5
Глава 2. Мерцание 8
Глава 3. Переполох 11
Глава 4. Внутри леса 15
Глава 5. Позабытая ночь 23
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Оррин
Сказка о кануне

Глава 1. Запоздалая почта

В канун Нового года, когда скасы собирались на Елку со своих обыденных мест пребывания и главной частью жизни становилась подготовка к празднованиям, то прежде всех предвкушений главным оставалось ожидание Первой почты, которую, как и всегда, должен был принести на своих крыльях Дракон, главный и единственный разносчик писем во всей округе. Даже шары-долгожители уже не помнят, с каких пор Дракон занимается этой почетной обязанностью, но любой молодой житель Елки расскажет вам об этом выдающемся почтальоне.

Итак, одним предновогодним вечером все от мала до велика покинули домики в ожидании Дракона, чье появление сулило письма от близких и родных с других елок. Ждал писем и сам Дед Мороз, гордо восседавший в одном из средних ярусов Елки, обводя ее своим мудрым взглядом.

Встречать Дракона в этот год выстроилось на своих ярусах еще больше жителей, чем в прежние, а между тем почтальон запаздывал, и это стало немного беспокоить обитателей Праздничного дерева. Вот какая беседа по этому и не только по этому поводу состоялась на одной из средних гирлянд:

– Ну где же, наконец, этот Дракон? – возмущалась Тигриуска.

– Да сам не пойму, сестра, – отвечал ее брат Тигр-Цветочник, протягивая ей букет.

– Спасибо, но мне уже некуда поставить их в своем домике, – сказала Тигриуска и нехотя взяла благоухающий дар.

– Кстати, сестра, – начал Тигр-цветочник, – к тебе, надеюсь, не пристает проклятый Барабанщик.

– Напротив, он подходит каждый день, но не беспокойся, брат, я прекрасно понимаю, что житель Нижних ярусов не может быть мне парой, так как он…

– Ах, вот оно в чем дело, вы, похоже, что-то соизволили сказать о жителях Нижних ярусов, – послышался чей-то голос. Через несколько секунд перед братом и сестрой предстал Заяц-скрипач, известный музыкант в среде упомянутых жителей Нижних ярусов. Заяц подошел вплотную к обоим собеседникам и продолжил:

– Одно мне невдомек, ну что плохого мы вам сделали? Дед Мороз тоже, можно сказать, живет внизу, но его же вы не считаете недостойным.

– Я бы попросил вас, дорогой господин Заяц, убираться отсюда восвояси! – вскричал Тигр-цветочник, – а про нашего уважаемого короля я скажу только, что Верхние ярусы давно обязаны выразить ему благодарность и признательность за то, что он лично следит за вашим порядком, который вы постоянно нарушаете своим пьянством!

– Что-о! Ну это уж слишком, дорогой господин!

Заяц-скрипач и Тигр-цветочник были настолько разъярены, что готовы были уже разорвать друг друга в клочья, как вдруг их остановил возглас Тигриуски:

– Смотрите: Дракон летит!

И действительно долгожданный миг настал, радостный крик разнесся по всей Елке, которая приветствовала своего почтальона.

***

Дракон, традиционно совершив тройное сальто в воздухе и таким образом тоже поприветствовав скасов, направился к Деду Морозу.

Самая длинная ветка Елки, называемая Южной или Посадочной, так как она действительно была посадочной для Дракона, вела в своеобразный Тронный зал. Тронный зал состоял из нескольких гигантских веток, которые, сходясь к стволу Елки, образовывали опору для Деда Мороза.

Король Елки восседал на ветках как всегда веселый и как всегда со слегка растрепанной бородой.

– Приветствую тебя, Дракон! С Наступающим! Ну как обстоят дела на Краю земли, и что нового видел в Ледяных пустынях? – размеренно буркнул он.

– Доброй ночи и с Наступающим вас, ваше величество. Земля обрывается все там же, в Ледяных пустынях так же пустынно.

– Не очень-то ты намерен сегодня со мной разговаривать, – слегка обиженно произнес Дед Мороз, – но раз так, то хотя бы выпьем моего кваску.

– Спасибо, не откажусь, ваше величество.

И они принялись за квас, после чего Дракон распрощался с Дедом Морозом и отправился осуществлять свою главную функцию – разносить письма.

Первым, к кому залетел Дракон, был его давний друг, Тигр-барабанщик, живший неподалеку от Тронного зала. Крылатый почтальон застал его за разговором с другим уже известным нам обитателем Елки, Зайцем-скрипачом.

– Так и сказала? – произнес белый, как полотно, Тигр-барабанщик.

– Сказала, сказала, – говорил Заяц, – но особенно взбесил меня ее братец, и, если бы не прилетел Дракон, я бы ему цветы в уши засунул.

– Да плюнь ты на нее, – продолжил Заяц, пытаясь успокоить своего друга, – сходим-ка, посмотрим, как обустроилось в этом году Общежитие.

– Как хорошо, что все собрались в гости к Общежитию, я как раз собирался лететь туда же. Теперь я повидаю всех друзей сразу.

Тигр и Заяц обернулись – голос, который произнес это, принадлежал Дракону.

– Дракон! – хором крикнули они.

– Да, я прямо от Деда Мороза, – сказал письмоносец. – Прежде всего, вот письма от твоего брата, Тигр, и твоего дяди, Заяц.

Музыканты взяли письма, взамен которых передали Дракону другие, после чего тот спросил:

– Что с тобой такое, Барабанщик? У тебя ужасный вид.

– Не спрашивай, Дракон, – ответил Заяц за Тигра, – он сам потом все расскажет, а теперь полетели.

– Ну что ж, полетели, – согласился почтальон, и, взяв на спину Тигра-барабанщика и Зайца-скрипача, взмыл в воздух, направляясь к давним знакомым – Общежитию.

***

Общежитие – это шар, но шар особенный. В нем живут четверо обитателей: Собак, Енот, Панда и Мышонок. Насчет происхождения Общежития существует легенда, что когда-то на одной елке жили четыре шара. Однажды елка загорелась, и все четыре шара оказались в самом центре пожара. Они прижались друг к другу от страха. И когда пожар смогли потушить, на обгорелой ветке висел только один огромный шар.

Так это или нет – неизвестно. Само же Общежитие говорит, что помнит себя таким с начала жизни.

Жители Общежития были рады, увидев троих своих друзей.

– С Наступающим! – одновременно, но разными голосами прокричали они.

– И вас с Наступающим! – также хором ответили Дракон и Заяц-скрипач с Тигром-барабанщиком, слезавшие с его спины.

– Прежде всего, – начал свою обычную фразу Дракон, – вот письма от различных шаров. И откуда это у вас столько знакомых?

– Общежитие знают все, – протянул Енот.

– Конечно, – подхватил Мышонок, – мы такие одни.

– Вот именно, – добавил Панда, – Общежитие – уникальный шар.

– Это так, – подытожил Собак. – Но хватит об этом. Как обустроились? Чего слышно в Нижних ярусах?

– Спасибо за беспокойство, но Нижние ярусы, по-моему, все еще внизу, – с грустью произнес Тигр-барабанщик.

– Что с тобой сегодня? – поразилось Общежитие.

– Да не обращайте внимания, ребята, – ответил Заяц-скрипач. – Лучше вы расскажите, что слышно новенького?

– У Старого Зайца опять поломался дом; Канарейка сумела пристроиться на Центральных ветках над Тронным залом; Аладдин снова потерял свою лампу, – попеременно сообщали жители Общежития.

– Да, тут еще кое-что, – вдруг серьезным голосом сказал Собак, – после чего остальные замолчали. – Как самый старший говорить буду я, – продолжил он, подняв голову и протирая очки.

Заяц и Тигр переглянулись, так как протирание очков у Собака означало что-то важное, торжественное.

– Итак, – начал он, – вчера поздно вечером мы решили проведать Сову, и она сказала, что заметила странное мерцание в Северном лесу, причем попросила передать эту новость Деду Морозу. Сова – один из самых старых жителей нашей Елки и давно привыкла жить на границах с Лесом, но даже она ничего подобного не видела.

И это бы еще ничего, но вчера ночью по дороге домой мы встретили Шара-Тигра, и тот сообщил, что только что видел похожее. Он, как вы знаете, тоже живет на границе с Северным лесом, но с западной стороны, а так как мы сами живем неподалеку, то это вдвойне нас насторожило…

– Ну, а дальше! – воскликнул Дракон, заметив, что Собак задумался.

– Дальше было самое интересное. Потолковав с Шаром-Тигром и выпив два стакана кваса, мы решились и подошли к лесу. Сначала ничего не было, но вдруг вдали мелькнул огонек, потом еще и еще. Он быстро вспыхивал и затухал, как будто заманивая нас…

– И что?! – крикнул от нетерпения Заяц, потому что Собак уже, казалось, заснул.

– Что, что – все. Мы что, по-вашему, совсем из ума выжили – идти в Северный лес, да и к тому же мы, шары, передвигаемся медленно…

Произнеся последнее слово, Собак заснул. Почти в ту же минуту уснули и остальные обитатели Общежития. Друзья вышли на Западный дождь.

– Что скажешь, Дракон? – задумчиво, глядя в небо, спросил Тигр-барабанщик.

– Надо бы, действительно, сообщить об этом Деду Морозу. Займусь этим, когда закончу дела, если вообще их закончу. Я и так просидел кучу времени у Общежития, а столько еще писем надо разнести.

С этими словами он оторвался от ветки и скрылся из глаз.

Наступила ночь, но на Елке ночи не было, вместо нее на дворе до утра продолжался Сказочный зимний вечер.

– У Бегемота уже, считай, Новый год, пшли туда, – сказал Заяц-скрипач.

– У меня другая идея, – возразил Тигр.

Глава 2. Мерцание

На Восточных ветках приготовление к празднику шло полным ходом. Шары до блеска начищали свои бока, помощники Деда Мороза развешивали новые ленты и гирлянды, рядовые жители украшали свои дома.

Наряжала свой дом и Тигриуска. Она никак не могла придумать, куда деть кучу букетов, которые надарил ей ее брат. Неподалеку играл аккордеон Медведя-гармониста. Уже была ночь, и, хотя у Тигриуски слипались глаза, на улице царило такое праздничное настроение, что она решила полюбоваться красотой Елки. А на Елке было, на что посмотреть! Красные и золотые шары переливались блеском; темно-зеленые иголки с синим отливом слегка шелестели вместе с дождями (в этом году – серебряными, а в другие – фиолетовыми, оранжевыми и совсем уже фантастических цветов) под действием попеременно снующих по ним различных ног и ножек, и все это – под музыку аккордеона, но вдруг к ней присоединились барабан, а потом и скрипка. Тигриуска немедленно посмотрела на север в сторону, где играл Медведь-гармонист, и заметила очертания трех фигур. Немного пораздумав, она направилась туда.

***

– Ну как, видели Шара-Тигра? – спросил, продолжая играть, Медведь.

– Мы только что от него, – ответил Тигр-барабанщик.

– Да, такие байки он рассказывает, – присоединился Заяц-скрипач, – прям как Общежитие, будто вспышки какие-то в Северном лесу, прямо бенгальские огнива.

– Не знаю, чего они беспокоятся, – пожал плечами Медведь, – может, это помощники Деда Мороза какой-нибудь сюрприз готовят.

– А, может, и не они, – усмехнулся Тигр-барабанщик. – Шар-Тигр как раз просил рассказать об этом королю.

– А у нас неплохо получается, ребята, – сказал Медведь, не вслушиваясь в слова друга. – Надо чаще встречаться. Эй, дорогие господа жители Елки, подайте бедным музыкантам на пропитание.

– Я подала бы, да не взяла денег. Да и зачем вы играете в таком захолустье, где растут одни грибы?

– А, госпожа Тигриуска, – протянул Заяц, – милости просим. Что делаете в наших краях?

– Я просто гуляла, любуясь новогодними приготовлениями, а услышав аккордеон господина Медведя, решила пожелать ему доброго вечера, – ответила Тигриуска, выйдя из-за густой ветки неподалеку, за которой давно пряталась. Тигр резко бросил стучать в барабан.

– Тогда и вам, добрый вечер, госпожа, – хмыкнул Скрипач. – Но позвольте спросить, не страшновато ли вам бродить здесь? Ведь тут уже начинаются довольно необжитые места.

– А чего же мне бояться, господин Заяц, разве что таких наглых музыкантов с Нижних ярусов?

– Спасибо за комплимент. Интересно только, кто из нас более наглый? Вроде как не я к вам под дверь приперся подслушивать.

– Подслушивать?! Да как вы смеете, пьянчуга?!

Тигриуска занесла лапу, чтоб дать Зайцу пощечину, а тот уже закрылся скрипкой (Тигр молча наблюдал за происходящим, приклеившись взглядом к Тигриуске), но всех опередил Медведь. Он прытко влез своей тушей между Тигриуской и Зайцем-скрипачом и пробурчал:

– Прошу покорнейше простить молодецкий пыл моего друга, госпожа!

Затем Гармонист обернулся к Зайцу и, отойдя с ним в сторону, шепнул громким басом:

– Давай к Бегемоту, поиграем там, если, конечно, там еще могут отличать музыку от храпа Деда Мороза.

– Вот ты, что задумал, – усмехнулся Скрипач, поймав взгляд, которым Тигр-барабанщик смотрел на Тигриуску.

– Ну что ж, давно пора к Бегемоту, – объявил Заяц-скрипач Тигриуске, – позвольте откланяться!

– Удачи, – бросил он Тигру, и через полминуты, загорланив песню вместе с Медведем, скрылся за поворотом ближайшего дождя.

Когда их шаги затихли, и прошла еще пара минут, натужное молчание прервала Тигриуска:

– Почему вы молчите, не вы ли приставали ко мне со всякой ерундой с того момента, как приехали, а теперь, когда я к вам подошла, у вас не хватает духу что-либо произнести?

– Тигриуска…дело в том, что…– заговорил Тигр, нервно постукивая палочками по барабану, – …дело в том, что…

– Ух-ух, – глухо раздалось где-то вдалеке.

– Ух-ух, – повторилось ближе.

– Что это? – боязливо спросила Тигриуска.

– Это…Сова, – не сразу ответил Барабанщик, – но я никогда не слышал, чтобы она так странно ухала.

– Ух-ух! – раздалось уже совсем страшно и надрывно.

– Сова в беде! Скорей! Скорей! – промелькнуло в голове Тигра, и вдруг, неожиданно для самого себя, он сломя голову побежал к Северо-восточной оконечности Елки.

– Стойте! Вам нельзя туда одному, потому что…мы еще не закончили разговор, – глупо выкрикнула Тигриуска, срываясь с места.

Она быстро догнала Тигра (тот бежал вместе с барабаном). Места стали абсолютно пустынными, стояла мертвая тишина, и заметно похолодало, но вскоре тишина нарушилась: Тигриуска и Тигр услышали и слегка ощутили вьюгу, бушевавшую поблизости, что было совсем странно, так как вьюга и холод не могли прорываться за Завесу тепла, созданную волшебством Деда Мороза вокруг праздничного дерева. Крики Совы давно затихли.

– Как холодно, – произнесла Тигриуска, стуча зубами, и осеклась.

Они вышли на опушку перед густыми, труднопроходимыми ветками, образующими дремучий и зловещий Северный лес. На этой опушке (ровно сходившихся ветках) должен был стоять домик Совы-отшельницы, но его не было.

Вместо него перед Тигром и Тигриуской предстали разбросанные опилки. Это выглядело так, будто ее дом был раскрошен на кусочки.

– Да что здесь происходит?! – невольно воскликнул Тигр.

А Тигриуска ничего не сказала, дрожа от холода и страха, которые стали уже нешуточными.

Над ними навис Северный лес, вьюга прорывалась все больше. Стало темно настолько, что видно было только на несколько шагов.

Барабанщик обошел опушку кругом, рассматривая обломки.

– Надо идти за подмогой. Об этом должен знать Дед Мороз, – выговорил он, но свищущий ветер проглотил его слова. Тигр обернулся, ища глазами Тигриуску и…

…Вспышка, потом другая, еще и еще ярче.

– Тигриуска! – крикнул совершенно ослепший Барабанщик, шаря лапами в воздухе.

– Господин Бараба…! – раздался крик где-то невдалеке, и вспышки исчезли.

Барабанщик постепенно опомнился. Видимость немного улучшилась, и музыкант осмотрелся. Он стоял на опушке один. Деревяшки, оставшиеся от домика Совы, слегка обгорели, следов Тигриуски нигде не было. В ветках Северного леса вспышки продолжались, но теперь это было уже отдаленное манящее мерцание.

Перед Тигром стоял тяжелый выбор: либо бежать назад за подмогой и бросить Тигриуску, либо на свой страх и риск идти вперед. Однако в этот вечер музыкант был необыкновенно решителен.

– Большое спасибо вам за это свидание, господин Заяц. На шутки вы всегда были мастер, – со свойственной иронией произнес Тигр-барабанщик и переступил черту Леса.

Глава 3. Переполох

– Еще кваса, а не то смычок съем, – прорычал Бегемот Зайцу-скрипачу.

Оба они, а также Старый Заяц, Аладдин, какой-то бывший помощник Деда Мороза и еще несколько жителей Елки валялись и висели на самых нижних ветках Нижних ярусов.

Бегемот опрокинулся вниз головой, закусив своей огромной челюстью несколько иголок. Заяц одним ухом обвил скрипку, а другим прислонился к мячу, который часто с собой таскал. Не спал только Медведь. Его не брал квас, и поэтому он настраивал аккордеон, наслаждаясь свежим утренним воздухом.

Царила полная безмятежность. Лишь изредка она нарушалась шуршанием ног маленьких помощников Деда Мороза, которые проверяли исправность дождей, гирлянд, хлопушек или устанавливали новые, подчас удивляя, как для новых хватало места, настолько была пышна украшениями Елка в этом году. Иногда работа ненадолго прерывалась, и помощники заводили разговоры со своими вечными приятелями шарами, естественно, по мере того, как те просыпались. Бывало, что беседы эти так затягивались, что кому-либо из старших помощников приходилось стучать в бок какому-нибудь шару, тот недовольно кряхтел, но сразу все понимал, и работа возобновлялась. Да, эта безмятежная церемония приготовлений, возможно, была даже чем-то интереснее самого момента встречи Нового года, хотя, конечно, не могла тягаться с ним по своей увлекательности.

Однако и для всей этой церемонии, рассчитанной по минутам, всегда находилось место полной неожиданности. Так и в это утро, казалось бы, нерушимое умиротворение было прервано одним протяжным криком:

– Чёёёртовапьяяяяянь! Где моя сестра?! – проорал Тигр-цветочник, прыгая на Зайца-скрипача и хватая его за уши.

– Да ты чё, цветов своих гнилых объелся, отпусти ууши! – завопил мгновенно очнувшийся Заяц, рванувшись от боли по веткам.

– Отпущу, когда скажешь, где сестра.

– Да какая еще сестра?!

Прокричав последнюю фразу, Заяц-скрипач со всей скоростью влетел в Медведя-гармониста, да так, что тот выронил аккордеон. Это не очень понравилось Медведю. Он наблюдал за происходящим и, быстро сообразив, что к чему, схватил Тигра-цветочника за шиворот и, как пушинку, поднял над ветками, приговаривая:

– Господин Цветочник, вы все-таки не у себя дома на Верхних ярусах, а у нас в гостях, и поэтому если вы что-то хотите, то извольте взяться за ум и вести себя повежливее.

– Ладно, я вижу, что мне угрожают, значит, я вынужден повиноваться. Но уверяю вас, о вашем беспределе Деду Морозу будет доложено во всех подробностях. А если вы хотите узнать, зачем я пришел, и что, кстати, имеет значение и для вас, опустите меня на ветки.

– Ты сейчас не в том положении, чтоб нас пугать, Цветочник, но раз уж притащился, то выкладывай, чё надо, – не приминая возможностью поговорить с жителем Верхних ярусов на «ты», ответил Заяц-скрипач. – Опусти-ка его, Медведь.

Тигр-цветочник был незамедлительно опущен и, бросив злобный взгляд на Зайца, начал говорить сквозь зубы:

– Сегодня рано утром я приходил к дому моей сестры Тигриуски, чтобы посадить рядом с ним новые цветы, она любовалась бы ими, когда проснулась…

– Как романтично, – с издевкой прервал его Заяц.

Цветочник в ответ прорычал и продолжил:

– Итак, когда я закончил, я пошел проверить, как спится Тигриуске, и в доме ее не нашел. Моя сестра никогда не встает так рано. Мне пришлось разбудить соседей. Один из них видел,

как она спускалась на север в Нижние ярусы. Я двинулся следом и долго блуждал по этой помойке, пока не наткнулся на Говорящих грибов, у которых узнал, что неподалеку живет некий Медведь-гармонист, с которым я, похоже, только что имел удовольствие познакомиться. (Он еще раз злобно посмотрел на Медведя). За отдельную плату они поведали, что к Медведю вчера приходили дружки: Барабанщик и Скрипач, а потом они видели, как к ним пришла какая-то богато одетая жительница Верхних ярусов (по-видимому, моя сестра), и дальше началось самое странное. Тигриуска и Барабанщик остались наедине и, заслышав уханье Совы, галопом направились по дороге на Северный лес, откуда к моменту разговора с Грибами так и не вернулись.

Так почему моя сестра совершала один идиотский поступок за другим, как к этому причастны вы и Барабанщик и что все это вообще значит?! Вот что мне надо знать, господа!

***

Спустя некоторое время компания из трех довольно странных спутников пробиралась к Посадочной ветке. Один из них постоянно спотыкался о другого, что сопровождалось виноватым кряхтением: «Что поделаешь, господин Цветочник, моим лапам нужно много места, а вы неизменно пытаетесь меня обогнать», ответным рычанием и усмешками. Еще на подходе к главной ветке Елки эта «дружная» троица заслышала гул и, пройдя еще несколько шагов, вынуждена была остановиться, потому что уткнулась в… очередь.

– Очередь! – воскликнул Заяц-скрипач. – Еще и днем! Что за дела? Помню, в последний раз очередь на прием к Деду Морозу была четыре года назад, когда часть рулонов подарочной бумаги оказалось мятой, и король сгладил ее своим волшебным весом. Ха! Вы гляньте, что делается.

И Заяц был прав: на Посадочной ветке творились дела. Она и близлежащие к ней дожди были забиты всевозможными жителями Елки. Скрипач, вскарабкавшись на Медведя-гармониста, рассмотрел в толпе Алладдина, Петуха-пересмешника, Канарейку, несколько почетных жителей Верхних ярусов и даже трех молодых шаров, которые тоже каким-то образом добрались досюда сверху. Толпа на разные лады гавкала, каркала, фыркала, кричала, улюлюкала, но в общем выражала неудовольствие по поводу чего-то, но чего-то очень важного.

– Ведь не притащились бы шары, не будь это важно, – подумал Заяц, заметив, что Тигр-цветочник успел уже куда-то улизнуть, воспользовавшись секундным замешательством.

– Доброго вечера всем жителям нашей любимой Елки! – покрыл все вокруг добродушный, но настороженный бас, – Новый год вроде как послезавтра, так что я ничего не понимаю. Хлопушек что ли не хватило?

В ответ на это обращение собравшиеся жители Елки просто взорвались в едином гомоне. Дошло до того, что затряслись ветки Тронного зала (в том числе даже Посадочная). Толпа слегка пришла в движение, и Заяц с Медведем (вернее, на Медведе) смогли продраться поближе к Деду Морозу, которого Скрипач смог наконец рассмотреть. Тот сидел довольно удивленный и в замешательстве, однако дал парочку распоряжений, и по прошествии минуты помощники с трудом спускали сверху какой-то большущий столб. Заяц вспомнил, что это был королевский посох, которым Дед Мороз пользовался редковато. Удар посоха о ветки означал «Внимание!» для всей Елки. И проскальзывали слухи, что жезл короля способен был даже оглушать скасов.

– Берегись! – выделился из толпы какой-то истошный крик. Посох, как обычно, не смогли спустить должным образом, оборвался канат, и закончиться все могло не весело, но король Елки поймал свой скипетр на лету и тяжело опустил его вниз. Уже за секунду до этого водрузилась тишина.

– Да что же это происходит?! Клянусь Новогодней ночью, что вижу такое впервые! Всем тихо, говорит Собак, – воскликнул Дед Мороз и указал посохом в какую-то точку толпы.

С этими словами из гущи вылезло Общежитие, повернувшись к зимнему волшебнику тем боком, в котором жил его главный обитатель.

– С наступающим Новым годом вас, ваше величество и жители Елки! – протянул он, после чего кто-то толкнул Общежитие, чтобы говорящий не заснул. – Ситуация чрезвычайная, поэтому я буду говорить кратко. Итак… мы замерзаем! И праздник, как видите, к большому сожалению, под угрозой срыва.

Последняя реплика вновь родила гул, правда, уже не такой бесцеремонный.

– Прости, Собак, но я тебя не понимаю. Как замерзаете, неужели моя магия больше не действует и Завеса тепла исчезла?!

– Не совсем так, ваше величество, – раздался вдруг с противоположной стороны мощный голос.

Заяц-скрипач вместе со всеми обернулся: перед Тронным залом висел в воздухе крылатый письмоносец.

– Жители, похоже, забыли о Второй почте, которую я разношу в полдень, – продолжил Дракон, – и я решил облететь Елку, и поглядеть, что это заставило их в предпоследний день приготовлений к празднованиям куда-то запропасть. Однако, едва начав облет, я успел заметить, что многие ветви глубоко промерзли, некоторые покрыты льдом чуть ли не до самого ствола. Как мне показалось, это оледенение все увеличивалось в сторону Северного Леса.

– Так и есть, у нас холоднее всего, – перебил Дракона Мышонок из Общежития.

– Подлетая к Северному лесу, я надеялся расспросить Шара-Тигра, но в том месте, где он обычно находился, ветки вообще были погнуты, а многие иголки выпали, как будто их чем-то высушили. Я полетел дальше; со стороны Северного леса тепла не чувствуется совсем, по-моему, там внутри также холодно, как и снаружи Елки, но как вы понимаете, ваше величество, проверить я не мог, так как слишком велик, а ветви леса слишком густы. С другой его стороны я надеялся найти Сову, но ее также не было, ни ее, ни ее домика. Ночью там, похоже, была метель…

«Метель, – подумал Заяц, – а ведь не так уж далеко от этого места мы оставили Тигра с Тигриуской».

– …и округу сильно занесло снегом. Но все-таки я заметил, что из-под снега торчало вот это.

При этих словах он достал из сумки кусок дерева, на котором Заяц рассмотрел надпись: «..шка Северного леса. Дом 1»

После того как собравшиеся обитатели подобрали дощечку, почтальон закончил:

– По ходу увиденного я понял, куда подевалось столько жителей, и заспешил сюда, и как я вижу, ни Шара-Тигра, ни Совы здесь нет. Из всего сказанного я заключаю, ваше величество, что Завеса тепла еще частично держится, но что-то сильно ее ослабляет, Шар-Тигр и Сова-отшельница исчезли, и в общем, на Елке творятся странные дела.

– Спасибо тебе, Дракон, за такой обстоятельный доклад, – размеренно произнес Дед Мороз. Он внимательно слушал письмоносца, почесывая бороду, которая после этого окончательно растрепалась. – Теперь уважаемые жители Елки, нужно решить, что нам делать после этого переполоха. Насчет холода можете не беспокоиться, я поколдую пару часиков, и у всех в домах снова весело заиграют поленья в каминах, а на улице и без них будет тепло. Что же касается Шара-Тигра и Совы-отшельницы, то, безусловно, их надо искать.

– Но исчезли не только они, ваше величество, – прозвучал сухой и злобный голос. Из толпы вылез Цветочник. – Сегодня ночью пропала и моя сестра, а также довольно подозрительный подданный вашего величества Тигр-барабанщик. К моему большому опасению, возможно, он украл ее.

– Ну ты и подлец, – процедил сквозь зубы Заяц.

Цветочник вкратце пересказал свою историю поиска сестры и в довольно приукрашенном виде разговор с Зайцем и Медведем, будто бы те даже пару раз стукнули его: один лапой, а другой смычком. Напоследок он добавил:

– После глумлений надо мной у этого так называемого Бегемота, мы со Скрипачом и Гармонистом, которые, вполне вероятно, являются соучастниками преступления, проследовали в жилище Тигра-барабанщика, но его, равно как и моей сестры, дома не нашли, после чего я решил идти к вам, ваше величество, за советом и защитой.

Все кроме Зайца и Медведя слушали рассказ Цветочника с открытыми ртами, все-таки денек выдавался на редкость интересным.

– Я могу ручаться за моего доброго друга Тигра, – вновь вовремя вмешался Дракон. – Я уверен, что он ничего подобного не совершал. По утверждению Грибов, скорее всего, получается, что Тигр и Тигриуска побежали на помощь Сове на опушку Северного леса и все трое исчезли. Думаю, что теперь очевидно – все нити ведут в Лес.

– Да-ааа, наверно, уже все присутствующие об этом догадались, – заключил Дед Мороз,– по-моему, вернее всего будет послать туда пару-тройку добровольцев. У кого есть желание, дорогие жители Елки?

На пару секунд на Посадочной ветке стало тише, чем после удара Посоха, но почти сразу же зазвучал звонкий голос:

– Никогда не бывал на севере Елки. Надо же посмотреть ее всю, ведь выбираемся-то сюда только раз в год. Но нам с Медведем наверняка поможет господин Цветочник. Ища вместе с нами свою сестру, он точно убедится, что, скорее, это она похитила Тигра, чем он ее.

– Вот и прекрасно, – радостно ответил король Елки, смеясь над последней шуткой Зайца-скрипача, – и помиритесь за одним делом. Собрание можно считать оконченным. Дракон можешь задержаться: у меня сегодня отличный квас.

Жители Елки стали расходиться по домам. Снег вокруг праздничного дерева сверкал в алых переливах лучей, морозный воздух, сегодня слишком морозный, особо не портил новогоднего настроения, а у многих даже поднимал. Заканчивался отличный солнечный день, близился новый сказочный вечер, предпоследний в уходящем году, а это значило, что впереди еще очень много работы.

Глава 4. Внутри леса

Тигр-барабанщик остановился, натянул свой красный праздничный колпак на уши еще сильнее, так что закрыл им глаза и чуть не порвал его, и сел прямо на кору большущей ветки, по которой шел вот уже около получаса. Мороз пробирал его до костей, шкура к такому холоду не привыкла. Метель слегка поутихла, но вокруг разобрать хоть что-либо представляло задачу не из легких. Никаких гирлянд не было, значит, не было не только освещения, без которого тигры могут видеть, но и знаков различия между местами. Через каждые десять шагов глазам представал один и тот же вид.

В Северном лесу никто не жил лет эдак сто: Елку обычно заселяли с юга, оттуда прилетал Дракон, оттуда днем выглядывало солнце, да и кому охота смотреть из окна своего домика на унылые Ледяные пустыни, простиравшиеся на севере? Уже многие годы считалось, что по этим причинам северные ветки остались некогда заброшенными и постепенно заросли, превратившись со временем в плотный и мрачный лес.

Вспышки прекратились почти сразу же. Ни следов Тигриуски, ни кого бы то ни было еще Барабанщик не обнаружил. Он набрался сил и крикнул, как в первые десять минут своего пребывания в лесу: «Тигриуска!» – зловещий посвист ветра в ответ. К холоду прибавлялся страх и чувство голода, а вот решимости оставалось все меньше. Искать Тигриуску в одиночку становилось занятием бессмысленным.

Тигр оглянулся назад. Он прошел несколько шагов, и только тогда, пытаясь вглядеться вдаль, к своему ужасу понял, что может идти по этой ветке какое-то время в обратном направлении, но определить, где он свернул на нее, почти невозможно. Места неотличимы друг от друга, а любые следы на снегу, в том числе и его собственные, заметало снегом мгновенно, в чем музыкант давно убедился.

Барабанщик попробовал поразмышлять, но мысли путались и никакого решения, даже отдаленно напоминавшего дельное, в голову не шло. Он ощутил, что снова сидит на коре ветки. Внутри у Тигра воцарилось полное опустошение, только леденящий мороз не позволял ему отключиться. Уже от безысходности, не видя другого выхода, музыкант с трудом поднялся и повернул обратно. Но не успел он пройти и нескольких шагов, как споткнулся.

– Да уж, нечего сказать, хороша прогулочка, – хмыкнул себе под нос Тигр, потратив на это, как ему самому показалось, последнюю способность шутить, после чего поднялся кое-как на ноги. Он посмотрел вниз на барабан, который, казалось, уже прирос к нему и довольно сильно мешался, хотя музыкант уже не замечал этого, и, поднимая глаза, наткнулся взглядом на то, что стало преградой на его пути. Поначалу это можно было принять за средних размеров сугроб, но Барабанщик отчетливо заметил, как этот сугроб на миг засветился очень тусклым, но в этой темнотище различимым желто-зеленым огоньком.

«Гирлянда, бог весть откуда взявшаяся здесь, и, к тому же, работающая. Что за дела?!» – подумал Тигр и подошел поближе. Теперь он увидел, что сугроб имеет странные очертания: в общем-то это был сугроб как сугроб, но из него выпирал какой-то шар, занесенный снегом. Тигр присел и протянул к нему лапу, но не смог дотянуться, так как в этот момент сугроб сдвинулся. Отказывая в яви той ночи и уже сомневаясь в реальности чего бы то ни было, он протянул лапу еще раз – тот же результат.

– Да что здесь происходит, во имя Нового года! – закричал музыкант, бросившись на сугроб. В то же мгновение снег осыпался, сугроб поднялся и ожил. Перед лежащим на ветке Барабанщиком стояла маленького роста фигурка, которая тонким голосом удивленно произнесла:

– Как вы сказали?

Музыкант не ответил и, схватившись за единственное оружие – барабанные палочки, поднялся с ветки. Не дождавшись ответа, маленький незнакомец продолжил:

– Неужели новые года все еще приходят? Неужели год не застыл?

Тигр не понял ни слова, но, собравшись с духом, тем более соперник выглядел не слишком грозным, громко спросил:

– Кто вы такой, милостивый господин, и как изволите называться?

– Меня называли господин Хорек-лампочник…Как же долго я не произносил своего имени…Как долго я вообще ничего не произносил!

Незнакомец замолчал. Барабанщик не отрывал от него глаз, крепко сжимая палочки. Некоторое время ничто не нарушало вой вьюги.

– Однако, – снова заговорил тоненький голосок, – вы-то, вы-то кем изволите быть, господин, и каким, каким же образом здесь могли очутиться?

Тигр внезапно понял, что в словах его неожиданного собеседника чувствовались не только удивление, но и страх. Барабанщик сделал шаг вперед и немного успокоился, увидев, как господин Лампочник отпрянул. Тигр не знал, как преподнести все, что с ним случилось за эту ночь и вечер, да еще и не ясно кому, но что-то нужно было говорить.

– Я, Тигр-барабанщик, житель Нижних ярусов Праздничной Елки, – начал он. – Я и одна жительница Верхних ярусов искали на опушке этого леса (Тигр показал в какую-то сторону, хотя совершенно не знал куда) госпожу Сову, возможно, вы ее знаете. Но на опушке мою спутницу похитили. Была метель и вспышки…

– Вспышки! – перебил Тигра Лампочник с выпученными глазами. – Следуйте за моей лампочкой, господин!

Закончив последнюю фразу, Лампочник бесшумно засверкал ножками по тропинке. Шар в его руках загорелся сильнее. Бежать неизвестно куда за говорящим загадками Хорьком или оставаться на месте и умирать от холода: выбор был невелик.

Перестав воспринимать время с того момента, как вошел в лес, Барабанщик не мог даже примерно представить, сколько он уже гнался за шариком-лампочкой по широким, узким и совсем узким тропинкам, непролазным зарослям, снегу и льду. Он уже успел порядочно исцарапаться, и, вылезая из очередных дебрей веток, зацепился колпаком. Тигр со злобой дернул колпак, оторвал помпон и обернулся в поисках своего проводника. Несколько секунд он не находил лампочки, и сердце екнуло, но вскоре она отыскалась. Господин Лампочник остановился.

– Сюда, господин, скорее, – пропищал Хорек, указывая на какую-то толстую ветку. Когда музыкант приблизился к ней на расстояние примерно тридцати тигриных шагов, он рассмотрел, что в ветке было проделано крупное отверстие, в котором через несколько мгновений скрылся Лампочник, махнув перед этим лапкой внутрь ветки. Впрочем, он мог этого и не делать: Тигр уже догадался, куда лежит его путь. Доковыляв до дупла, Барабанщик заметил, что дупло в этой крупной высохшей голой ветке, по-видимому, очень удобно для его нового знакомого, но ему не очень-то подойдет. Однако стоило ему просунуть в отверстие нижнюю лапу и голову, как оказалось, что он легко в него пролезает. На миг у музыканта даже мелькнула мысль, что дупло расширилось по мере его проникновения. Но додумать эту мысль Барабанщик не успел, так как его лапы не смогли нашарить что-то, куда можно было ступить, и он провалился в пустоту.

Тигр крикнул обрывающимся, свойственным для падения голосом, но не прошло и секунды, как он уже лежал на чем-то жестком и колючем в полной темноте.

– Господин Лампочник, или как вас там! – прохрипел музыкант со всей злостью, какая у него была. – Чтоб у тебя всю жизнь старый год был, – чуть слышно добавил он сквозь зубы, одно из самых страшных пожеланий на Праздничном дереве.

– Простите великодушно, не извольте гневаться, господин, – виновато произнес тоненький голосок. При этих словах зажглась лампочка, на этот раз еще ярче.

Тигр огляделся. Они с Лампочником находились в высохшей сердцевине ствола опорной ветки, то есть растущей из самого ствола Елки, вроде Посадочной, но меньше. Дупло располагалось в растущей из нее ветке, к внутренней стороне опорной ветки под дуплом были прибиты малюсенькие дощечки. Тигр догадался, что по ним Хорек спускался и поднимался. Спасительной для музыканта оказалась куча старых высохших иголок. Неподалеку от нижней дощечки и иголок стоял крохотный стол и стул. Над ними в стене были сделаны дверцы, видимо, представлявшие собой некий стенной шкаф. Рядом на двух врытых в кору опорной ветки деревяшек и перекинутой третьей висел котелок. В дальней оконечности этого жилища прислонилась к овальной стене маленькая кроватка, застеленная той же подстилкой, на которой лежал музыкант. Для Барабанщика оставалось загадкой, как могла высохнуть эта ветка, причем именно в этом месте. Раньше он о таком не слышал.

– Извините уж старого Лампочника, – продолжал Хорек, помогая Тигру отряхнуться от иголок, – я и не подумал, что вы такой большой и соскользнете со ступенек, но, к счастью, вас спасли мои запасы горючего.

Хорек взял охапку иголок, подошел к котелку, кинул иголки под него, а затем коснулся их своей лампочкой. Через пару мгновений иголки зажглись. Лампочник жестом пригласил Тигра присесть за стол, а сам залез на стол и стал шарить в дверцах. Музыкант, поняв, что стул он раздавит, снял, наконец, с шеи барабан и уселся прямо на пол, довольно холодный, но, по крайней мере, здесь было несравнимо теплее и уютнее, чем снаружи.

– Сегодня вы мой гость, господин Тигр-барабанщик, я правильно запомнил ваше имя? – прожужжал Хорек, когда спустя время налил в плошку, больше похожую на чашку, варево из котелка.

– Верно, – откликнулся Тигр.

– Прошу, попробуйте, – протянул Лампочник. – Это все, что я могу вам предложить, но, пожалуйста, расскажите еще раз, как вы попали в лес, и вообще… (он сделал паузу)… что сейчас на Елке?

Тигр еще раз пересказал историю сегодняшнего вечера, стараясь не называть имен, все-таки он не слишком доверял своему странному собеседнику, хотя музыкант сомневался, что тот хотел его отравить, поэтому похлебку из каких-то трав и корешков проглотил в два приема. Рассказав об исчезновении Совы и Тигриуски, Барабанщик обрисовал встречи Нового года за последние несколько лет. Лампочник внимательно слушал, хотя выглядел абсолютно ошеломленным. Когда Тигр закончил рассказ, то задал вопрос, который мучил его большего всех, накопившихся со времени пребывания в Северном лесу:

– Господин Лампочник, возможно, это прозвучит глупо, но не встречались ли вам кто-либо из двух пропавших дам, о которых я рассказывал?

Хорек-лампочник горько усмехнулся:

– Мне придется разочаровать вас, господин Барабанщик, но вы первый, кого я вижу впервые за много-много лет. Вы изволили пожелать мне вечного старого года (Тигр слегка покраснел, оказалось, что у Хорька острый слух), но должен вам сказать, что ваше желание исполнилось еще задолго до вашего рождения, так как я нахожусь здесь уже явно дольше, чем все ваши встречи новых лет.

– И сколько же вы здесь? – удивленно ужаснулся Барабанщик.

– Я не знаю. Я считал первые тридцать лет, а потом сбился со счета. Иногда мне кажется, что с тех пор прошло еще больше. Да и как можно делить года, если в силу своей однообразности они сливаются в один? Послушайте теперь вы мой рассказ, и вы удивитесь не меньше, чем вы меня удивили.

Тигру почудилось, а может, и нет, что лампочка и потрескивающие иголки приняли новый оттенок. Тонкий голос Хорька вдруг стал солиднее.

– Я приехал на Елку впервые совсем молодым скасом. Мне было тогда примерно столько же, сколько вам, сударь мой. Так как я рано осиротел, то появился на Праздничном дереве один, и знакомых у меня там не имелось. Вы спросите меня, каким же образом меня пустили, потому как в мое время, да и если ничего не изменилось, то и в ваше, на время празднеств жителем Елки может стать только тот, у кого есть на ней жители-родственники, согласные принять его. Да, в самом деле, я сказал вам, что был сиротой и никого из обитателей Праздничного дерева не знал, однако же…

Лампочник сделал паузу, похоже, он все больше входил во вкус рассказа.

«Неудивительно, – подумал Тигр, – если он здесь так долго, как говорит, то ему определенно есть, что сказать».

– …однако же, как выяснилось незадолго до моего приезда, на Елке проживал мой дальний родственник, о котором я ничего не знал. Я помню как сейчас день, когда получил то письмо. Да, господин Барабанщик, письмо. Оно было от него. Мой новоиспеченный родственник, не раскрывая в точности, кем он мне приходится, повествовал, что случайно узнал о моем бедственном положении. Также помимо письма в конверте я нашел приглашение, подписанное Дедом Морозом, которое, как известно, наделяет любого скаса статусом жителя. Моей радости не было конца! Встречать праздник в тепле и достатке в самом подходящем для этого месте – сбывалась мечта моего детства.

Итак, я немедля собрался и поехал. Но успел я прибыть лишь в предпоследний день года под вечер. Я полагал, что мой родственник выйдет встречать меня, но не тут-то было. Я из приличия подождал его около четверти часа и направился по адресу, указанному в письме. По дороге я не раз останавливался полюбоваться яркостью нарядов и весельем на лицах. Но вскоре случилось, что я встал как вкопанный, потому как услышал:

«Жители Елки, продолжается состязание на лучшего знатока праздничного дела! Подходите и покажите другим жителям и Деду Морозу ваши потрясающие умения. Наиболее удививший нас всех получит приз, достойный победителя, предназначенный специально для него! Напоминаем, что ваши выступления должны полностью отвечать всем елочным традициям».

Немного выше меня на следующем ярусе, образовав некую окружность, толпилась уйма народу. В центре стоял главный помощник Деда Мороза, который и огласил это пламенное обращение. Он был одет в ярко-лазурную шубу, подбитую белым мехом, синие штаны и шапку, и черные кожаные сапоги. Это одеяние полностью совпадало с нарядом самого короля Елки, восседавшего чуть поодаль. (Его я узнал сразу же). Сборище попеременно оглашалось одобряющими или разочарованными возгласами и аплодисментами. Не знаю почему, но ноги сами понесли меня на это состязание.

Когда я сошел с волшебного дождя на нужный ярус, из толпы выделилось еще несколько участников. Среди них было двое шаров и один здоровенный музыкант с барабаном, можно сказать, ваш коллега, милостивый сударь.

«Дорогие жители Елки, – весело продекламировал главный помощник Деда Мороза, – ввиду того, что король Елки вскоре должен будет опробовать хлопушки и оценить новые гирлянды на верхних ярусах, наш конкурс подходит к концу, но мы можем взять еще одного добровольца».

Тотчас все наперебой стали доказывать, что именно они должны принять участие.

«Последнего определит жребием сам король», – поспешно добавил помощник.

И действительно, Дед Мороз, ждавший этих слов, разжал варежку и бросил в воздух великолепную золотую снежинку. Снежинка сделала трое витков над завороженными лицами жителей и упала к фигурке, стоявшей неподалеку от дождя. Этой фигуркой оказался я. На меня устремились взгляды. Жители стали удивленно шушукаться, ведь меня никто на Елке не знал.

«Подойдите и назовитесь, маленький счастливец!» – воскликнул помощник.

«Хорек-лампочник», – дрожащим от волнения голосом ответил я и подошел к остальным участникам.

Состязание возобновилось: Дед Мороз потряс бородой, и братья шары, закрутившись в каком-то невероятном танце, вдруг покрылись изморозью, при этом они постоянно меняли направление вращения. В результате этого чудесного танца вокруг них постепенно надулся огромный ледяной шар с затейливыми новогодними узорами.

«О-о! – восхищенно разнеслось над ярусом»

Шары, однако, не удержались и упали, ледяной шар рассыпался. Несмотря на это, помощник одобрительно похлопал братьев по бокам и пригласил большущего быка с барабаном показать свое мастерство. Кстати, я хотел бы заметить, что шары нарушили традиции, так как в конкурсе должен участвовать один житель. Я читал об этом прежде, чем попал на Елку. Я прав, сударь?

– Да, вы совершенно правы, но шары – привилегированные жители, и поэтому к ним редко придираются, – заметил Тигр.

– Вам виднее. Итак, барабанщик начал медленно настукивать праздничную мелодию, постепенно разгоняясь. Сложно сейчас передать, насколько это был разнообразный и захватывающий ритм – через минуту в такт игре музыканта задвигались ноги и ножки у всех присутствующих, в том числе короля, через две зрители уже плясали, через три в движение пришла сама Елка. Клянусь, это было так: жители и иголки в одной пляске! Сразу же после завершающего волшебного удара барабанной палочки участники взорвались аплодисментами. Музыканта уже начали поздравлять с победой, но помощник прервал похвалы замечанием:

«У нас еще один участник».

Взгляды вторично уперлись в меня. Не помня себя от волнения, я вышел в центр круга. Наступило молчание: никто не знал, чего от меня можно ждать. Здесь я должен сделать отступление.

В местах, где я жил, я был мастером по сооружению и починке светильников. Я занимался этим ремеслом с детства, потому меня и прозвали «лампочником». Незадолго до того, как я получил письмо от загадочного родственника, мне довелось придумать средство, которое будучи установлено в одну из лампочек, придавало всей цепочке невероятные свойства. Это средство представляло собой маленькое жестяное колечко-шайбу, которое присоединялось к основанию лампочки.

Именно это колечко я вынул из кармана походной сумки, висевшей у меня через плечо, и приделал к ближайшей лампочке ближайшей гирлянды, которую перед этим вывинтил. Как видите, сударь, я мал, а то колечко мало настолько, что многим могло показаться, что я просто провел по патрону лампочки рукой. Как только я установил лампочку на надлежащее место в гирлянде, началось то, чего не ожидал я сам. Конечно, я примерно рисовал себе в воображении предстоящую картину и даже опасался, что она не будет нова для елочников, но произошедшее превзошло мои ожидания.

Гирлянды, освещавшие ярус, замигали, а затем слегка потускнели, и их свет будто бы стал перетекать и сгущаться в некие облака. Эти разноцветные облака постепенно оформились в диковинные фигуры со множеством голов, хвостов, крыльев, одно чудней другого. (Приоткрою вам секрет, что эти фигуры были выгравированы на колечке). Как я уже говорил, давно был вечер, поэтому в темноте, окружавшей Елку, эти яркие световые существа, освещавшие округу вместо ламп, производили неизгладимое впечатление. Они, мне думается, привлекли внимание той стороны Елки, на которой мы находились, целиком. Фигуры менялись, двигались, перетекали одна в другую и в завершение слились в колоссальную копию Деда Мороза, помахавшую нам рукой и тут же растворившуюся.

Лишь когда гирлянды через мгновение засияли в обычном режиме, зрители, осознав, что это была лишь искусная мистерия, взорвались восхищенными репликами. Я успел снять колечко щипцами из сумки, (к сожалению, оно совершенно оплавилось, видимо, не выдержало такого напряжения), после чего меня подхватили и на руках принесли к королю, который объявил меня победителем и сказал, что сейчас мне будет вручен приз. Он поднялся с веток и только тут я увидел большущий мешок, спрятавшийся за спиной короля. Это был тот самый Мешок, ради которого во многом и стремятся на Елку – Мешок-с-подарками.

Дед Мороз что-то пробурчал себе в бороду, провел руками над мешком, и, развязав его, вынул оттуда махонькую для него и значительного размера для меня коробку. Поставив ее около меня, он воскликнул:

«Слава победителю! Однако я что-то не припомню вас, господин Хорек-лампочник».

«Я первый день на Елке, ваше величество, – ответил я, низко поклонившись, – и теперь воочию убедился, что это сказочное место».

«Елка становится сказочной лишь усилиями ее жителей, – рассмеялся Дед Мороз, отвечая мне одним из новогодних лозунгов, – и я рад, что ты теперь один из них. Кстати, этот приз предназначен специально для тебя, и он еще очень может тебе пригодиться, потому что…». Он хотел договорить, но главный помощник напомнил, что короля ждут хлопушки. Тогда Дед Мороз посетовал, что ему пора, поблагодарил всех за конкурс и, пожелав всем счастливого Нового года, отправился наверх.

В этот момент я вспомнил, что мне тоже еще как пора. Меня начали расспрашивать, откуда я, со мной, похоже, многие захотели завести знакомство, но мне, несмотря ни на что, надо было попасть к моему родственнику, чтобы выяснить, почему он не пришел меня встречать, и кто он такой вообще. Поэтому я вежливо попрощался, поинтересовавшись напоследок, как мне лучше пройти, чтобы попасть по адресу, указанному в письме. Статный житель, по-видимому, Верхних ярусов, к которому я обратился, объяснил мне дорогу, но явно удивился, когда услышал адрес: Опушка Северного леса.

– Невероятно, это то самое место, откуда я попал сюда! – невольно вырвалось у Тигра.

– К несчастью, это то самое место, откуда и я попал сюда, и вы сейчас узнаете, почему.

По мере приближения к месту назначения я замечал, что места становятся все менее обжитыми и наряженными. Наконец, ветки надо мной расступились, и одновременно оборвался дождь под моими лапками: я сразу догадался, что вышел на опушку. И все бы хорошо, только дом отсутствовал. Никаких даже признаков, сударь мой. Опушка была совершенно пустынна. Я обошел ее вдоль и поперек, но все оставалось неизменным: сзади дорога, впереди густые и зловещие ветки. Вот тогда мне стало понятным удивление жителя, у которого я спрашивал дорогу. Куда же подевался мой новоиспеченный родственник?

В полном смятении и, признаюсь вам, страхе, я бросил взгляд в лес и тут… может быть, мне почудилось, я пригляделся и увидел как будто бы светлячка, перелетающего с ветки на ветку, словно он играл со мной. Сейчас мне сложно объяснить почему, но меня охватило какое-то дикое любопытство, и я пошел за ним.

Чем дальше я заходил в лес, тем холоднее становилось, а светлячков прибавилось, хотя присмотревшись, я увидел, что это, скорее, живые огоньки, так как они состояли из одного лишь огня. Внезапно огоньки замерли. Они осветили еще одну опушку значительно меньше первой. В центре ее находился домик, хотя больше ему подошло бы название «лачуга». В домике горел свет, от него исходило тепло. На двери висела записка. Подойдя поближе, я прочел: «Здравствуй, Хорек! С Наступающим! Заходи и погрейся у камина». Мои опасения немного развеялись, в тот момент я решил, что мой родственник вел отшельнический образ жизни, он наверняка был стар и посему забывчив, этим и объяснялось, то, что он не встретил меня, а вспомнив о моем прибытии, написал записку и разжег камин. Я вновь пожалел мое колечко, ведь я захватил его как раз, чтобы развлечь родича.

Дверная ручка оказалась неприятно холодной на ощупь, однако я, не мешкая, нажал на нее. Дверь не поддалась. Тогда я заметил, что под запиской была надпись, намалеванная тусклой краской: «Желающий войти, да прочтет». Далее следовала несколько слов, представлявших собой полную абракадабру. Мне подумалось, что это следы былого розыгрыша, но я почему-то четко произнес нарисованную надпись и надавил. И за пару мгновений произошло то, что навечно отпечаталось у меня в памяти. Дверь сорвалась с петель и отбросила меня на край опушки, из лачуги вырвался ледяной вихрь, вокруг которого завертелись огоньки, висевшие над домиком. Домик рухнул, а смерч, засияв так, что резало глаза, с ревом ринулся из леса в том направлении, откуда я пришел. Я обернулся и услышал удаляющийся гул, на миг мне даже почудились встревоженные голоса елочников. Вскоре все стихло.

На какое-то время я потерял сознание, а очнувшись, понял, что уже не на опушке, а на какой-то из широких веток леса. Всю ночь и следующий день я бродил по лесу, орал как мог, звал на помощь, но, к своему ужасу, в лесу больше никого не было. Я остался один. – В этом месте господин Хорек пустил слезу. – И самое страшное: я не нашел выхода. Да, да, господин Тигр, это место заколдовано, не знаю кем, но заколдовано, когда тебе кажется, что идешь по тропинке, ведущей из леса, эта тропинка закругляется и приводит обратно.

Тигр сглотнул слюну. Лампочник же, слегка успокоившись, продолжил:

– Я также не смог найти той опушки с лачугой, словно ее и не было. На вторую ночь пребывания в Северном лесу меня охватило отчаяние и злость. Я схватил мою сумку и швырнул ее. На снег высыпались мои инструменты и коробочка. Коробочка! Я подбежал и буквально разорвал подарочную упаковку. Внутри нее лежал мой подарок – большая матовая лампочка с золотым патроном.

«На что она мне здесь?! – воскликнул я».

И лампочка, будто ждавшая этих слов, зажглась. Несомненно, это было чудо, одно из чудес, сотворенных Зимним волшебником для его верноподданных. Она горела у меня в руках и совершенно не обжигала их, кроме того, от нее прекрасно горели иголки, в чем вы уже могли убедиться.

Лампочник указал на свой нехитрый очаг.

– Короче говоря, благодаря моему призу я спасся. За полтора года я выжег и благоустроил это дупло. Я приспособился к жизни в Лесу. Первые годы я жил в страхе и полной неизвестности, меня вновь и вновь донимали вопросы: что случилось в тот момент, когда я открыл дверь, кем заколдован Северный лес, что, наконец, стало со всеми жителями Елки, и почему никто не пришел мне на помощь? Надеюсь, вы понимаете, какие мысли приходили мне в голову. В конце концов, я привык и к страху, и к неизвестности, жизнь стала мне мало дорога.

И тут через десятки лет начинает сильно холодать, как тогда, а сегодня появляетесь вы, господин Тигр-барабанщик, и сообщаете, что жизнь на Елке идет своим чередом и недавно вы видели вспышки.

Ну что, как вам история?

Все то время, пока Лампочник вел свой рассказ, Тигр слушал, затаив дыхание. Это повествование превозмогло даже смертельную усталость и потрясло Барабанщика настолько, что около минуты в жилище единственного обитателя Северного леса застыла тишина. Собравшись с силами, музыкант выговорил:

– История, рассказанная вами, превосходит все сказки, что я слышал. И если то, что вы говорили – правда, то вы, несомненно, самый отважный и самый несчастный житель Елки всех времен. Я заверяю вас, что я и никто из тех, кого я знаю, никогда не слышал об описанном вами мерцании, но недавно его видели жители Шар-Тигр и Сова, о ней я уже говорил. Поэтому я заключаю, что сила, которую вы, по-видимому, освободили, никак на Елке не проявлялась до сегодняшнего дня, пока не исчезла госпожа Тигриуска, и я не оказался здесь.

– Я также заверяю, господин Барабанщик, что моя история правдива. Я понимаю, что вы не доверяете мне, но если вы задумаетесь, то убедитесь, что у меня больше оснований не доверять вам.

Лампочник сделал паузу и добавил:

– Двадцать лет назад, увидев вас, я бы сбежал, но сейчас, будь вы даже не тот, за кого себя выдаете, мне это уже не важно. Важно другое, с вашим появлением у нас обоих появился шанс выбраться отсюда.

Глава 5. Позабытая ночь

– Какой прекрасный закат, ваше величество, – задумчиво сказал Дракон, глядя на яркое зимнее солнце, валившееся к западу и разливавшее свои последние лучи над распростертой перед Елкой белой равниной, уходящей к далекому горизонту.

Дед Мороз, осушив огромную, как бадью, кружку с квасом, одобрительно забурчал, после чего стал расчесывать бороду и заговорил серьезным, слегка печальным голосом. Письмоносец, много лет друживший с королем, знал, что такое случается с ним лишь при очень важных делах.

– Эх, Дракон, кабы я мог безмятежно любоваться закатом… Как думаешь, почему мы так чтим наступление Нового года?

– Я никогда всерьез не задумывался об этом, ваше величество.

– Новый год – великий символ. Он скрывает в себе суть всего нового. Ведь новое – это следующая и следующая перекладина очень длинной веревочной лестницы. Эта лестница может петлять, виться кружевами, но таковы правила этой странной лестничной игры, что двигаться мы можем лишь вверх. Ступеньки, оставшиеся позади, исчезают, вопрос лишь в том, как мы двигаемся. В этом и прелесть, полностью повториться нельзя. В каждой точке ты знаешь, что за вот эту планку, которая сейчас у тебя в руке, ты еще не хватался. Случается порой, она кажется ничем не отличимой от предыдущей. Но она неповторима, как неповторим и ты.

Впрочем, перейдем к делу. Ты говоришь, это видели Шар-Тигр, Сова и…

– … Общежитие, ваше величество.

– Хм. Вот скажи, какая у нас сейчас получается картина?

– Исчезли четверо. Тигр и Тигриуска, наверняка бежали на помощь к Сове и исчезли вслед за ней и ее домиком. Примерно в то же время исчез Шар-Тигр. И я могу ставить снеговика против снежка, что пропали они в Северном лесу. Кроме того, неестественный холод, тоже явно исходящий от леса и, наконец, мерцание.

Помимо истории, поведанной Общежитием, которую я уже пересказал вам, добавлю, что Заяц-скрипач с Тигром-барабанщиком, о чем сообщил мне Заяц, когда Собрание расходилось, также побывали прошлой ночью у Шара-Тигра, и то, что он говорил, полностью подтверждает слова Общежития.

– Да…это мерцание. Во всем, что случилось, виноват я. (Почтальон удивленно воззрился на короля) – О-хо-хо. Я слишком сильно запустил север. Конечно, ведь прошло столько лет, но мы не имели права забывать о той ночи.

– Так, вы думаете…

– Именно, о том же, о чем и ты.

– Позабытая ночь, – медленно проговорил Дракон.

– Да-а, – протянул своим густым басом Дед Мороз, – теперь это уже легенда, сказка для маленьких скасов, а тогда шестьдесят лет назад та ночь была для нас довольно странным делом.

– И даже весьма неприятным, – добавил письмоносец.

– Неприятным, потому что мы заключили тот уговор, а скрытность на Елке – брр! Из-за этого мы, наверно, и старались забыть даже то, что помнили. В результате пропало четверо жителей, а остальные замерзают.

– И что же вы решили, ваше величество?

– Вспомнить! Прежде всего – то, что мы помнили после ночи, а затем и то, что не помнили и тогда, потому что без этого мы не спасем Елку.

– Елка нуждается в спасении?!

– Дракон, неужели ты думаешь, что та сила остановится на похищении жителей и подмораживании Елки. Надо готовиться к худшему и начать вспоминать прямо сейчас. Я вот

что думаю, Дракон, – сказал, немного поразмыслив, Дед Мороз, – опиши-ка мне еще раз, как шестьдесят лет назад, весь тот вечер в подробностях. А чтобы тебе помочь, я приготовлю Напиток памяти.

Он налил квасу, бросил туда пару щепоток из мешка, похожих на сахар, и усиленно подышал на кружку.

Почтальон собрался с мыслями, пригубил напиток и заговорил:

– Я был тогда подмастерьем старика Полоза, который в то время отходил от дел, а я эти дела принимал. Он еще днем разобрался со своей партией, а основную часть писем оставил мне на вечер. (Как вы помните, я днем разносил письма на другие елки). Когда уже начало смеркаться, я как всегда нашел его внизу зависшим над харчевней отца Бегемота, как бишь его звали Гипа…, Гипу…

– Гиппопотам, – уточнил Дед Мороз.

– Точно, ваше величество. Полоз присоединил к моей пачке свою, и я скорее бросился работать. Я помню, что торопился, потому что хотел посмотреть на Состязание, которое должно было состояться ближе к ночи. К сожалению, писем оказалось больше, чем я думал, к тому же, народу в домах было мало (многие ушли на Состязание), поэтому я просто заполнял почтовые ящики, и даже не с кем было перекинуться парой словечек. Когда настроение мое окончательно испортилось, (а Состязание, видимо, подходило к концу) я полетел относить последнее письмо на самый край жилой части Елки. Вы наверняка помните, к кому я отправился.

– Конечно.

– Да. Сова уже тогда была отшельницей, но жила она тогда над Северным лесом ближе к верхушке дерева. Она с радостью приняла послание от своего двоюродного брата Филина и предложила мне остаться на чай. Я не раздумывая согласился: настроение у меня было паршивое, адресаты на тот момент закончились (Состязание по времени тоже), так что торопиться уже было некуда. Поэтому я протиснулся к окошку домика, из которого Сова выдала мне самую большую кружку, какая у нее имелась в хозяйстве, и добавила к ней мешок пряников. О чем мы тогда говорили с Совой, я не помню, но, скорее всего, об убранстве Елки. И вдруг на полуслове она замолчала и стала прислушиваться.

«Что стряслось, госпожа Сова?» – спросил я.

«Слушайте».

И я почти сразу услышал резко возрастающий гул. Через несколько мгновений Елка затряслась.

«Землетрясение», – пролепетала Сова.

«Земле… что? Слушайте – резко проговорил я, – забирайтесь-ка ко мне на спину, ваш домик становится небезопасным».

Сова проворно последовала моему совету, и я стрелой взмыл в воздух. Отлетев на расстояние видимости всей Елки, мы увидели и услышали, что ее центр потрясают какие-то страшные взрывы, сопровождающиеся Деда Мороза, то есть вашими возгласами. Не теряя ни секунды, я бросился на ваш голос. Наверное, дальше вы помните.

– Продолжай, Дракон.

– Хорошо. На подлете на нас повеяло холодом, и тут в отдалении мы увидели, как вы гоните Посохом что-то, походящее видом на сжатую в спираль метель, некий вихрь, притом вокруг этого вихря мелькали… Елки-иголки – все сходится!

– Да, то, что происходит последнее время я-явно, – протянул Дед Мороз, – имеет непосредственное отношение к тому, что происходило тогда.

– Вихрь постоянно взрывался вспышками, опаляя ветки вокруг себя, а вы прыгали (видимо, из-за этого Елка так и тряслась) и размахивали руками, выкрикивая какие-то заклинания. Вперемешку с ними я чудом различил пару фраз, явно предназначавшихся для меня.

«Шар-Тигр!…Заслонка!»

Я мгновенно понял ваш план, и уже через минуту говорил с Шаром-Тигром, который, по счастью, оказался у себя. Западная опушка огласилась скрежетом: втроем (Сова оставалась на моей спине) мы извлекли и установили аппарат, давненько уже не использовавшийся. Как только мы закончили работу, дорожка, ведущая к опушке, загремела и задрожала, тогда я полностью убедился, что разгадал ваши намерения: вы гнали вихрь в заброшенный Северный лес. В тот момент, когда он вылетел на поляну, все было готово. Вы закрыли собой проход на дорожку, мы с Совой и Шаром-Тигром (я взял его в лапы) повисли над обрывом, вихрю оставался лишь лес впереди и справа труднопроходимые ветки, ведущие на восток, однако был еще один путь: он завертелся наверх, но его ждало разочарование. Мне до сих пор не понятно, как вы это предугадали.

– Ох, в этой истории так мало понятного.

– Заслонка сработала на отлично, она, как и на работах при установке шпиля, возникла в последний момент и спружинила – вихрь отбило к поляне, но там его уже подстерегал ваш посох. Вихрь понесло к лесу, вы выкрикнули последнее Запечатывающее заклинание, но в последний миг он зажегся вспышкой какого-то зловещего зеленоватого цвета и… я проснулся в своей кровати в главпочтамте.

– Верно, а я проснулся в Тронном зале. Я помню, как ты примчался ко мне, Дракон.

– Мне как будто хвост ошпарили, ваше величество! Я не поверил, что это было сном, и вы доказали это, сказав, что вам снилось тоже самое, и сон обрывался на том же месте.

– Да-да, затем я созвал Собрание, и выяснилось самое интересное.

– Никто, кроме вас, меня, Совы и Шара-Тигра, не помнил прошедшего вечера и ночи вообще.

– И вот тогда, Дракончик, ты сделал замечательный ход.

– Э-э, ваше величество, я до сих пор сомневаюсь, правильно ли я поступил.

– Ты объяснил Позабытую ночь, ты поступил верно. Мы тогда понимали еще меньше, чем сейчас, а жители Елки смотрели на меня недоумевающими глазами.

– Я не объяснил, я солгал.

– Хм. Если бы ты был королем, – вздохнул Дед Мороз, – ты бы знал, что иногда в редчайших случаях, не солгать, как ты сказал, а скрыть истинное положение дел бывает лучшим решением. Что бы мы сказали им тогда, Дракон? Рассказали бы эту историю, больше похожую на сон? И что потом?

– Они бы знали правду, – мрачно ответил письмоносец.

– Конечно, но начались бы волнения. Лихие жители Нижних ярусов упрекнули бы Верхние за то, что те сверху, а Верхние упрекнули бы Нижние за то, что те снизу, и не важно, что поводом стала бы потеря памяти, одинаковая и у тех, и у других. Между ними оказались бы мы с тобой, пришлось бы их мирить, а в итоге потеря времени. Дело-то шло к Новому году.

– Продолжай, Дракон, продолжай, – немного помедлив, сказал король Елки, – мне нельзя упустить ни одной детали.

– Итак, после того, как я изложил Собранию сказку о том, что минувшей ночью ваш Посох имел наглость слегка взбунтоваться и, войдя в раж, оглушить бедолаг-жителей с вытекающей потерей памяти, и вопрошающие, побурчав, постепенно разошлись, вы вместе с Совой и Шаром-Тигром под предлогом выборочной проверки установки фейерверков отправились осматривать Елку. Прожженные места сохранились, вы заговорили их, и они быстро заросли. Затем мы подошли к лесу. Заслонка оказалась на том же месте, где она осталась прошлой ночью. Никаких признаков того, что бушевало на Елке, не было. И когда я и Шар-Тигр упаковали Заслонку в Хранилище, заговорила Сова.

– Сова была мудрой, сколько я ее знаю.

– Она задалась вопросом, почему что-то помним только мы вчетвером, и что нам с этим знанием делать. Сова спросила, надежна ли ваша печать над Северным лесом, и вы ответили, что никто и ничто не сможет перейти его границы, пока вы живы. Тогда Сова предложила Уговор.

– Это было единственно верным решением, хотя я вижу, что ты так и не изменил своего мнения. Жителям ничего не нужно было знать, поэтому мы и пообещали друг другу, что вчетвером будем думать над тем, что тогда произошло, но сообщать свои мысли можем только кому-либо из четырех. Однако если в лесу будет замечено что-либо, напоминающее вихрь, то от уговора можно будет отступить.

– Именно это и произошло. Я должен был передать вам слова Общежития сразу же. О, Новогодняя ночь, я мог предотвратить исчезновение жителей!

– Не вини себя, Дракон. Мы не вспоминали об Уговоре и Позабытой ночи лет тридцать. Вдобавок, Шар-Тигр и Сова сейчас совсем постарели и очень мало двигаются, поэтому вряд ли они смогли бы пулей примчаться на Посадочную ветку. Наверное, они надеялись, что их весть быстро дойдет до меня через Общежитие, поскольку это самый общительный шар на Елке, причем ничего не сказали ему о Позабытой ночи. Жаль, но их послание опоздало на полсуток.

Ты больше ничего не вспомнил?

– Нет, ваше величество, – покачал огромной головой письмоносец.

Дед Мороз старательно почесал бороду и заговорил вновь совсем уже грустно для себя:

– Как видишь, Дракон, исчезли те, кто были свидетелями вихря в прошлом и первыми заметили мерцание сейчас. Тигр и Тигриуска, видимо, попались в лапы этой странной силы случайно, хотя это еще вопрос. Знаешь, что меня беспокоит в этой истории больше всего?

– Что же, ваше величество?

– Шестьдесят лет назад, как ты только что вспоминал, я нанес на Северный лес Запечатывающее заклинание – это означает, что никто не может ни войти, ни выйти из него. Жители исчезли в лесу, значит, загадочный вихрь, который мы тогда побороли, непостижимым образом разрушил мои чары. А если так, то Елка нуждается в спасении, и времени у нас в обрез.

– Похоже, они идут, ваше величество, – оживившись, прервал мрачный диалог почтальон. – Надо отдать им должное, они собрались быстро.

– А чего нам медлить, лично я особенно никогда не страдал из-за обилия багажа, – ответствовал веселый голос, обладателем которого был не кто иной, как Заяц-скрипач, бодро шагавший во главе знакомой троицы.

И вправду весь его багаж составлял лишь один легкий рюкзак, причем создавалось впечатление, что смычок и скрипка были единственным его содержимым. Позади музыканта, постоянно подначиваемый последним, пыхтел с кислым и как обычно враждебным ко всем окружающим лицом Тигр-цветочник, который не в пример Скрипачу навьючил на себя две здоровенные походные сумки из дорогой кожи, набитые до отказа.

– Многоуважаемый господин Цветочник, я гляжу, у вас уже заплетаются ноги под напором такой ноши. Двигайтесь осторожнее, а не то, чего доброго, свалитесь с Посадочной ветки и ушибете бочок, – прострекотал Заяц, на что в ответ раздалось бешеное рычание и одобрительное урчание Медведя-гармониста, замыкавшего шествие.

Медведь, так же, как и господин Цветочник, запасся основательно. Он волок за собой огромную торбу, но ее размеры и вес, похоже, ничуть не могли послужить основанием для отказа от аккордеона, который по-прежнему висел спереди туши Гармониста.

– Ну-ну, Заяц, – пожурил музыканта Дед Мороз, – пора бы тебе уже прекратить придираться к несчастному Тигру. Ты же знаешь, что он страдает не меньше твоего. У тебя исчез друг, у него – сестра. К тому же, вы идете на поиски, а это серьезное дело, и твои шутки не всегда будут в нем уместны.

– Да ладно вам, ваше величество, кабы не мое чувство юмора, эта Елка давно уже превратилась бы в подснежник-переросток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.